

Г. В. Старовойтова

О ФОРМИРОВАНИИ ТАТАРСКОЙ ЭТНОДИСПЕРСНОЙ ГРУППЫ В НАСЕЛЕНИИ ПЕТЕРБУРГА — ЛЕНИНГРАДА

Население Ленинграда, как почти всякого крупного города, многонационально.

Последними переписями населения (1959, 1970 гг.) в городе зарегистрированы представители свыше ста национальностей. Некоторые этнические группы проживают здесь на протяжении более чем двух веков, изменяясь как численно, так и в этнокультурном отношении.

Между тем ни генезис полиэтнического состава городского населения, ни этнические процессы, имевшие здесь место, до сих пор почти не привлекали внимания исследователей¹.

Особый интерес представляют, на наш взгляд, группы, резко отличающиеся от основного населения региона по лингвистической и антропологической принадлежности, по этнокультурной специфике. Самой крупной из них является татарская этнодисперсная группа².

Документальные и статистические источники, позволяющие проследить историю возникновения и определить этнический состав группы, немногочисленны. Поэтому наряду с архивными и статистическими сведениями мы использовали в качестве источника информации этносоциологический опрос ленинградских татар. Опросом было охвачено более 2% численности группы (720 чел., найденных по карточкам паспортных столов жилищно-эксплуатационных контор города (выборка двухступенчатая, районированная).

* * *

Татары составляют заметную часть иноэтнического населения городов Европейской части страны, Урала, Средней Азии и Казахстана, Сибири. Уровень их урбанизированности за пределами ТАССР выше, чем внутри республики: в 1970 г. по СССР в целом горожане среди татар составляли 55,0%, а в ТАССР — 38,6%³.

¹ Такое изучение начато Н. В. Юхневой. См. *Н. В. Юхнева. Этнический состав населения Петербурга в XIX — начале XX века.* — В сб. «Этнографические исследования Северо-Запада СССР». Л., 1977.

² Понятие «этнодисперсная группа» введено в коллективной монографии «Современные этнические процессы в СССР» (М., 1975, с. 15). Под этнодисперсной группой понимается такая этнотерриториальная общность, которая состоит из представителей какого-либо этноса, постоянно проживающих в иноэтнической урбанизированной среде и расселенных в ней дисперсно (т. е. не образуя компактного анклава). Члены этнодисперсной группы поддерживают этнокультурные связи как внутри группы, так и с основным этническим ядром. Другим условием существования этнодисперсной группы является ее численность, достаточная для обеспечения демографического воспроизводства и межпоколенной трансмиссии хотя бы некоторых образцов этнической культуры.

³ *Л. Н. Терентьева. Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском севере СССР.* — «Сов. этнография», 1972, № 6, с. 41, табл. 3.

Динамика численности татарской части населения Петербурга *

Показатели	Год переписи				
	1869	1881	1890	1900	1910
Численность татар (тыс. чел.)	2,0	2,7	3,5	5,8	7,3
Процент к численности населения города	0,3	0,3	0,4	0,4	0,4

* «С.-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г.», в. 1—3. СПб., 1872, 1875; «С.-Петербург по переписи 15 декабря 1881 года», т. I, ч. 1, 2; т. II, ч. 1, 2. СПб., 1883, 1884, 1885; «С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года», в. I и II. СПб., 1903; «Петроград по переписи 15 декабря 1910 года», т. I и II, Пг., с. а. Необходимо учесть, что в переписях фиксировались не национальность, а только религиозная принадлежность и язык; татары выделены здесь по языку.

Исторические и экономические причины дисперсного расселения татар охарактеризованы в специальной литературе⁴. Однако пути миграции татар и само татарское население городов до сих пор недостаточно привлекали внимание исследователей. Исключением являются городские жители ТАССР⁵ и городов Западной Сибири⁶. Между тем уже с XVIII в. татары составляли особую прослойку в населении городов России. Это обусловлено давними хозяйственными отношениями и спецификой традиционных занятий части татарского населения, не связанной с крестьянским трудом. Земледелие мало обеспечивало татар ввиду скудости наделов, поэтому отхожие промыслы, извоз, работа в фабричных центрах, мелкая торговля стали обычным занятием татар⁷.

Кроме того, с XVIII в. (начиная с Петра I и при его непосредственных преемниках) магометанам было запрещено владение крепостными крестьянами, что способствовало превращению значительной части татарской феодальной аристократии в торговую буржуазию⁸.

В результате к концу XIX в. несколько тысяч татар было рассеяно по разным городам России в качестве ресторанный прислуги, старьевщиков, рабочих, купцов, а некоторые отрасли торговли — хлебом, солью, кожами — почти всецело находились в их руках. В качестве рабочих татары славились добросовестностью, выносливостью, трезвостью и аккуратностью⁹.

Столица многонационального государства — Петербург — в числе прочих иноэтнических групп издавна имела в составе своего населения и татар. Перепись населения 1869 г. фиксирует двухтысячную группу татар в Петербурге. Согласно данным последующих переписей населения численность этой группы неуклонно увеличивается (см. табл. 1).

Татарская часть населения города за сорок лет выросла более чем в 3,5 раза. В городе действовало несколько мечетей, работали татарские продуктовые лавки, имелось мусульманское кладбище и т. д.

Автор очерка «Татары в Петербурге» А. Бахтиаров отмечал: «Живя вдали от родины, татары, однако же, крепко дежятся религии и обычаев

⁴ Н. Н. Воробьев. Казанские татары. Казань, 1953; «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967; Р. Г. Мухамедова. Татары-мишари. М., 1972; Р. Х. Мухаметшанов. Татары-кряшены. М., 1977.

⁵ См.: «Социальное и национальное (Опыт этносоциологического исследования)» М., 1973.

⁶ Н. А. Томилов. Современные этнические процессы у татар городов Западной Сибири. — «Сов. этнография», 1972, № 6.

⁷ «Энциклопедический словарь, изд. Ф. Брокгауз и Н. Эфрон», т. 67, 1902, статья «Тюрко-татары» (с. 349).

⁸ Н. Н. Воробьев. Указ. раб., с. 349.

⁹ «Энциклопедический словарь», т. 67, с. 349.

своих предков и не смешиваются с другими элементами столичного населения»¹⁰.

По сведениям, полученным из Архива неправославных церквей, до революции практически все татарское население Петербурга (около 8 тыс. чел.) было верующим и неукоснительно соблюдало мусульманскую семейную и календарную обрядность. В 1912 г. в столице Российской империи имелось три мусульманских прихода, одна соборная мечеть, три мусульманских школы и благотворительные мусульманские общества¹¹. Постройке соборной мечети в Петербурге способствовало крупное пожертвование эмира Бухарского. В городе существовала периодическая мусульманская пресса: еженедельник «В мире мусульманства» (на татарском языке), еженедельник «Мусульманская газета» (на русском и татарском языках), газета «Нур» (на татарском языке), выходящая дважды в неделю. Кроме того, периодически публиковалось «Иностранческое обозрение» с разделом «Из жизни петербургских мусульман» (в качестве приложения к журналу «Православный собеседник»)¹².

В церковных отчетах отмечается крайняя обособленность столичных мусульман (в подавляющем большинстве — татар): «... мусульмане живут весьма замкнуто и проникнуть в татарскую среду дело почти невозможное, так как они весьма подозрительны и недоверчивы к властям»¹³.

Можно выделить три основных вида занятий городских татар: торговля, услужение, ремесло. Как правило, татары приписывались к купцам или мещанам (как и русские ремесленники).

Интересно, что вся прислуга, исполнявшая черную работу в Зимнем дворце (около 100 чел.), была татарской. Татары-торговцы жили артелями по 20—30 человек и разделялись на два типа: «халатник» (торговец старьем, издали узнаваемый по характерному крику «халат-халат!») и разносчик «красного» (галантерейного товара)¹⁴.

Перечень типичных занятий татар говорит о том, что они наряду с другими «иностранцами» были дискриминируемой группой в населении столицы и других русских городов. Характерно в связи с этим воспоминание Л. Успенского о типичной надписи на домах в некоторых кварталах Петербурга: «Татарам и прочим крикунам вход во двор запрещен»¹⁵.

Социальное обособление находило свое отражение и в относительно компактном расселении татар в разных районах города.

В нашем исследовании на основании данных городских переписей населения была предпринята попытка определить «татарские» зоны в этнической топографии Петербурга. Районы повышенной концентрации татарского населения «перемещались», по карте города между переписями населения. Так, в 1869 г. 28% всех городских татар жили в Московской части (это главным образом торговцы-лоточники), 17% — в Адмиралтейской части (в основном прислуга). Впоследствии начало расти число татар на окраинах города (см. табл. 2). В 1910 г. уже более трети татар (36%) живет в Московской и Александро-Невской частях, они поселяются также за Нарвской заставой. Возможно, перемещение зон компактного расселения татар обусловлено не только

¹⁰ А. Бахтияров. Татары в Петербурге.— «Брюхо Петербурга». СПб., 1888, с. 227.

¹¹ Центральный государственный исторический архив (далее ЦГИА), Архив неправославных церквей, ф. 821, оп. 133, № 545, 1911—1917 гг.

¹² ЦГИА, ф. 821, оп. 133, № 554. Отчеты о магометанских приходах в Петрограде и его уездах, 1911—1917 гг.

¹³ Там же.

¹⁴ А. Бахтияров. Указ раб., с. 226; см. также А. Ф. Кони. Петербург. Воспоминания старожила. Пг., 1922, с. 20.

¹⁵ Л. Успенский. Записки старого петербуржца. Л., 1969, с. 79.

Таблица 2

Доля татар в общей численности населения отдельных частей
Петербурга, в %

Части города	Год переписи			
	1881	1890	1900	1910
Адмиралтейская	0,90	0,67	0,84	0,80
Казанская	0,44	0,42	0,68	0,68
Спасская	0,19	0,24	0,48	0,67
Коломенская	0,16	0,12	0,13	0,19
Нарвская	0,17	0,13	0,94	0,36
Московская	0,72	0,90	0,67	0,77
Александро-Невская	0,12	0,29	0,55	0,57
Рождественская	0,20	0,29	0,38	0,25
Литейная	0,21	—	0,15	0,18
Василеостровская	0,27	—	0,32	0,27
Петербургская	0,38	0,26	0,46	0,29
Выборгская	0,18	—	0,24	0,15

расширением городской территории, но и изменениями в структуре их профессиональных занятий, в частности включением татар в крупное промышленное производство, их пролетаризацией.

В городах с высокой интенсивностью социальных процессов, быстрым профессиональным «перемешиванием» разных групп оказывается возможным (даже применительно к XIX в., не говоря о современности) выделение не столько этнически однородных районов, сколько районов с повышенной «парциальной плотностью» определенной этнической, профессиональной или иной группы населения.

Численность татар даже в тех частях города, где их плотность выше теоретически вероятной, не превышала 1% населения. К тому же сводные переписные данные относятся к довольно крупным территориально-административным единицам и не отражают этнический состав населения кварталов или, тем более, отдельных домов с преимущественно татарским населением, объединенным культурно-бытовыми и хозяйственными связями. Тем не менее очевидно, что одни части города (Адмиралтейская, Казанская и Московская) характеризуются из десятилетия в десятилетие повышенной долей татарского населения, другие (Спасская, Нарвская, Александро-Невская) постепенно становятся центрами его притяжения. Для некоторых районов города, например, Василеостровской части, постоянно характерна низкая доля татар (см. табл. 2).

Дореволюционная этническая топография города (в частности, расселение в нем татар) определялась прежде всего сословной принадлежностью, родом занятий, имущественным цензом. Постепенный территориальный рост города приводит сначала к расширению зон повышенной плотности татарского населения, а затем к их размыванию (при преимущественной концентрации татарского населения в южной, промышленно развивающейся части города).

Тем не менее в течение рассматриваемого периода постоянно наблюдаются участки повышенной «парциальной плотности» рассматриваемого компонента этнически смешанного населения столицы. По-видимому, определяющая компактность расселения однородной в социальном отношении национальной группы зависит не только от социально-экономических факторов (хотя их влияние и ведущее). На степень компактности национальных групп, расселенных в этнически мозаичной среде, могут влиять и семейные связи, традиции и т. п. Основное ядро татарского населения в Петербурге сложилось из отходников, которые, постепенно оседая в городе (в определенных его районах), могли информировать других «потенциальных мигрантов» о возможностях устройства в данном конкретном месте. В отношении отходничества,

такая тенденция замечена давно: «Движение начинается с какого-нибудь случайного выхода в город нескольких личностей, которые, найдя выгодное занятие и заработок..., начинают понемногу привлекать к нему своих родичей и односельчан»¹⁶. При этом естественно односельчанам и родственникам селиться поблизости от помогающих им на первых порах земляков, создавая целые «колонии» переселенцев, налагающие своеобразный культурно-бытовой отпечаток на весь облик большого города¹⁷.

Перейдем к рассмотрению эволюции татарской этнодисперсной группы за последние полвека, опираясь на данные анкетного опроса. Прежде всего оказывается, что существование современной татарской группы в Ленинграде является скорее результатом механической миграции новых переселенцев, нежели следствием естественного воспроизводства старожильческих семей.

В XX в. численность населения города в целом (как и его татарской части) претерпевала значительные изменения под влиянием социально-экономических причин (войны, революции, блокада и др.). Достаточно упомянуть, что к 1921 г. в связи с гражданской войной и голодом численность населения Петрограда упала втрое против дореволюционного уровня¹⁸. Потери городского населения после Великой Отечественной войны были восполнены лишь к 1959 г. В связи с этим в составе городского населения сократилась доля коренных жителей, особенно тех семей, которые насчитывали несколько поколений.

Как показывают данные этносоциологического исследования, современная тридцатитрехтысячная группа татарского населения города сложилась главным образом в результате новых волн послереволюционной и послевоенной миграций. Однако с учетом значительной эволюции населения Ленинграда доля старожильческих татарских семей в группе не так уж мала: около 46% обследованных семей начали переселение в город до 1920 г., в том числе более 15% — в XIX в. Вероятно, в XIX в. переехали в Петербург и предки тех, кто не смог указать, в какие годы (или не позднее каких лет) их прямые родственники впервые приехали в город (5,1%).

Согласно анкетным данным, в миграционном потоке татар в Ленинград отчетливо видны две «волны» повышенной интенсивности миграций, приходящиеся на начало 30-х годов и послевоенные годы. Миграции разных лет связаны с разными объективными социально-экономическими причинами (хотя субъективно миграция населения, будучи целенаправленным процессом, осознается как осуществление стремления переселенцев улучшить условия жизни) (см. табл. 3)¹⁹.

Если переселение татар в Петербург в прошлом и начале нынешнего века естественно связывать с отходничеством, то потоки переселенцев в начале 30-х годов, вероятно, связаны с двумя комплексами изменений: с одной стороны, с коренной перестройкой сельского хозяйства (развитие разделения труда и профессионализации, сопутствующих коллективизации, распространение грамотности и т. п.); с другой — с развитием индустриализации, обусловившей потребность городской

¹⁶ «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», т. II. СПб., 1902, с. 264; см. также В. В. Покишишевский. Миграции населения как общественное явление и задачи статистического их изучения.— «Статистика миграций населения». М., 1973.

¹⁷ Факторы такого рода могут действовать и в современных условиях, влияя на расселение мигрантов в городах. См. В. Я. Любовный. Опыт изучения формирования городского населения.— «Вопросы географии населения СССР. Сб. статей к I Междугосударственному совещанию по географии населения». М., 1961.

¹⁸ См. по этому поводу, например, В. И. Козлов. Национальности СССР. М., 1975, с. 78.

¹⁹ В. Н. Переведенцев. Современная миграция населения в СССР.— «Народонаселение и экономика». М., 1967.

Таблица 3

Динамика миграций в город опрошенных и членов их семей

Кто мигрировал	Годы миграции					
	неизвестны	до 1900	1900—1919	1920—1939	1940—1959	1960—1975
Сам респондент	—	1,6	11,8	38,6	36,5	11,5
Первые переселенцы в семье	5,1	14,0	12,2	54,5	12,3	1,9

промышленности в притоке трудовых ресурсов из села. Послевоенная волна миграции, по-видимому, является частью общего процесса урбанизации, активизировавшего разные типы перемещений трудовых ресурсов в масштабах страны: из села в малые и крупные города, а из малых городов в крупные. Кроме того, существенным оказалось воздействие Великой Отечественной войны на ход этнических процессов (особенно в Европейской части страны): оно проявилось в усилении межэтнических контактов, широком распространении русского языка, влиянии эвакуированного населения на культуру и быт коренного населения в районах его размещений²⁰.

Приобщение к интернациональной и русской культуре, расширение «этнического кругозора» жителей сел и городов с коренным татарским населением, распространение билингвизма за счет длительных контактов с временными переселенцами должны были усиливать потенциальные ориентации на миграцию в русские города²¹.

Определение мест выхода ленинградских татар и размера миграций оттуда представляет интерес для создания картины миграционных связей. Большая часть мигрантов (а их $\frac{2}{3}$ среди опрошенных) являются выходцами из сел Мордовской АССР или Пензенской обл.²²—38,2%, из крупных городов страны (столиц республик или областных центров)—15,7%, из различных малых городов—10%, причем в число указанных городов не входят города, расположенные на территории ТАССР, БАССР, т. е. в зонах более или менее компактного расселения татар. Часть переселенцев из малых городов, расположенных на территориях дисперсного расселения татар, составляют переселенцы из Саранска (Мордовская АССР), Касимова (Рязанская обл.) и городов Поволжья (Ульяновская, Саратовская, Куйбышевская области, Чувашская и Марийская АССР). Остальные переселенцы из малых, а тем более из крупных городов, как правило, с переездом в Ленинград осуществили уже не первый цикл миграции в иноэтническую среду, т. е. их семьи покинули татарские села задолго до этой последней миграции. Проблемы адаптации к иноэтнической среде и городскому образу жизни для этих новоселов не так актуальны, как для приезжих из татарских деревень.

Из самой ТАССР, а также из Башкирии (где доля татарского населения всегда была выше доли башкир) в общей сложности прибыло 18,8% ленинградских татар-переселенцев, в том числе 10,1% из сел, 2,4% из малых городов, 6,3% из Казани.

Сравнивая географию мест выхода опрошенных с географией мест выхода предков уроженцев Ленинграда, можно обнаружить значительную межпоколенную устойчивость связи «полюса вселения» и «полюсов

²⁰ Н. С. Гурвич. К вопросу о влиянии Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на ход этнических процессов в СССР.—«Сов. этнография», 1976, № 1.

²¹ О значении таких факторов см. В. Н. Переведенцев. О влиянии этнических факторов на территориальное перераспределение населения.—«Изв. АН СССР. Сер. географ.», 1965, № 4.

²² Часть территории Мордовской АССР в 1939 г. перешла в административное подчинение Пензенской обл.

выхода» переселенцев (коэффициент связи Чупрова составляет 0,69). Родители, деды и более отдаленные предки живущих в городе татар приехали из тех же районов, что и мигранты последних десятилетий; причем соотношения мигрантов разных поколений из тех или иных районов близки. Заметно лишь одно межпоколенное различие: мигранты старших поколений чаще выезжали из сел, чем из городов, особенно крупных, что естественно объясняется изменением уровня урбанизированности современного населения.

Обращает на себя внимание отчетливо выраженный поток миграции из сел Мордовской АССР и Пензенской обл. (43,5% всех переселений у предков опрошенных и 38,2% переселений самих опрошенных). Поскольку этот регион территориально значительно ближе к другим возможным центрам притяжения переселенцев — в первую очередь к Москве и Казани, — встает вопрос о причинах тяготения «мордовских» татар к Ленинграду.

Известно, что зависимость объема прибывающих от расстояния перемещений хорошо описывается обратной связью и характеризуется кривой гиперболического типа²³, т. е. с увеличением расстояния перемещений, как правило, уменьшается объем миграционного потока. Однако для Ленинградской обл. (и самого Ленинграда как главного центра притяжения новоселов) получены заметные отклонения от этой зависимости, выраженные «всплеском» объема потока прибывающих из зоны, удаленной от Ленинграда на 1250 км. В начале 60-х годов из этой зоны (куда входит и Мордовия) в город постоянно прибывало почти втрое больше ожидаемого количества переселенцев²⁴.

Вероятно, пространственные закономерности миграции зависят от сложного механизма формирования оценок притягательности того или иного центра, не сводимой к одним экономическим факторам. Иначе трудно было бы интерпретировать зафиксированные отклонения, явно не определяемые ни экономическими расчетами, ни даже культурным значением центра. Можно выдвинуть предположение об известной инерционности миграционных связей, что зависит в свою очередь от функционирования информации о возможности миграции, передающейся по каналам родственного и дружеского общения, т. е. в рамках неформальной коммуникации. На такую закономерность указывал и В. В. Покишиевский: «Своеобразная географическая черта миграций, подмеченная статистически и хорошо объясняемая в ходе пристального изучения отдельных случаев, — устойчивость раз сложившихся корреспонденций. Всякая достаточно заметная по объему единовременная миграция приводит к неизбежному продолжению и в дальнейшем в силу, с одной стороны, лучшей информированности потенциальных мигрантов о том, что может дать им переселение, с другой — более легкого устройства на новом месте, возможности воспользоваться помощью земляков или родственников»²⁵. Он также пишет: «...Имея в районе вселения как бы коллектив своих земляков, мигрант не в такой мере ощущает свою оторванность от родной почвы»²⁶.

Как уже отмечено, сравнительно небольшое число татарских семей, живущих в Ленинграде в течение нескольких поколений (с начала нынешнего века или с прошлого века), не позволяет считать довольно быстрый рост татарской части населения города результатом естественного воспроизводства и прямой преемственности механической миграции. Следует предположить (и об этом свидетельствует ряд опрошенных), что

²³ Эта зависимость описывается уравнением $y = ax^{-1} + b$, где y — объем потока прибывших в i -тый населенный пункт; x — номер зоны удаленности; a , b — параметры уравнения. См. Р. В. Татевосов. Исследование пространственных закономерностей миграции населения. — «Статистика миграции населения». М., 1973, с. 44.

²⁴ Р. В. Татевосов. Указ. раб., с. 46, рис 5.

²⁵ В. В. Покишиевский. Указ. раб., с. 29—30.

²⁶ Там же, с. 14.

значительная доля первопереселенцев из разных сел и городов ориентировалась на устойчивую информацию о наличии большой группы татар в городе и рассчитывала на установление связи с этой группой при устройстве на новом месте. Такая информация могла оказаться и недостоверной (так, она явно устарела к 30-м годам — времени, соответствующему наибольшей волне переселения татар в Ленинград), но она сохранялась и передавалась по семейно-родственным каналам, традиционно значимым в татарской среде, по инерции оказывая влияние на пространственные закономерности миграций.

Географические источники миграции в известной мере характеризуют и этническую принадлежность переселенцев; однако, следуя принципу самоидентификации, мы получили в ходе опроса дополнительные сведения об этнографических группах в структуре городского татарского населения. Судя по ответам на вопрос о том, к какой группе татарских народов причисляет себя опрошенный, в городе имеются разные локальные этнографические группы татар в следующих пропорциях:

казанская — 27,2%	мишарская — 30,6%
астраханская — 0,5%	другие группы — 13%
тобольская — 0,2%	затруднились в определении группы — 24,9%
касимовская — 3,6%	

Таким образом, среди ленинградских татар представлены две значительные группы (казанские татары и мишари) и одна небольшая этнографически переходная между ними — касимовские татары.

Еще две крупные группы татар — другие (13%) и не указавшие этнической принадлежности (24,9%), особенно интересны с точки зрения изучения уровня их этнического сознания; по сути дела обе они включают этнофоров с неопределенной этнической идентификацией. При этом представители групп, не учтенных в списке возможных вариантов ответов, как правило, определяли свою «локальную этническую принадлежность» в соответствии с географией мест выхода, именую себя уфимскими, саратовскими, мордовскими, горьковскими и даже ленинградскими татарами. Характерно, что приехавшие из Казани назывались исключительно «казанскими татарами», хотя, безусловно, в этой группе переселенцев, как и в самой Казани, присутствуют представители и других этнографических групп. По-видимому, во всех этих случаях наблюдается трансформирующее влияние топонима на этноним; оно тем ощутимее, чем глубже нивелируются локальные культурно-бытовые различия и другие дифференцирующие признаки этнической принадлежности жителей большого города, вплоть до утраты локального самосознания и первоначального самоназвания.

Все не предусмотренные предварительным списком варианты самоназваний опрошенных групп татар, отсутствующие в научной классификации, могут также быть рассмотрены как отражение существующих расхождений между этническими группами татар и этнографическими группами, т. е. группами осознанного самовыделения и группами с фиксированной исследователями культурной спецификой²⁷. Иногда этническое самосознание членов таких «неучтенных» этнических групп довольно высоко развито; в подтверждение реальности существования группы информаторами приводятся разнообразные сведения о ее расселении, а также народная этимология этнонима. Так, например, информатор из групп опрошенных, относящих себя к «межгарам», пояснил, что этноним «межгар» является трансформацией более раннего этнонима «нежгар» (самоназвание, в свою очередь происходящее от топонима Нижний Новгород; т. е. межгары — нижегородские, или горьковские, татары)²⁸.

²⁷ Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 114.

²⁸ Не исключено, что эта народная этимология не лишена достоверного основания, так как известно, что типичное явление в области консонантизма тюркских языков — древнее чередование «м ~ н». Некоторые исследователи выводят тюркское «м» из «н». См. Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 29.

Учитывая возможность несовпадения «внутриэтнической» и этнографической классификаций, мы тем не менее считаем правомерным отнесение разнообразных, как правило, «топонимических» самовыделяющихся групп к группе респондентов, затрудняющихся в определении своей узкой этнографической принадлежности. Выпадение промежуточных уровней этнического сознания (сохранение представления лишь о своей принадлежности к татарскому этносу) является естественным следствием контактирования с преимущественно иноэтнической средой, главным образом русскими.

Применительно к этнодисперсной группе в иноэтнической среде это явление, на наш взгляд, нельзя рассматривать в качестве показателя процесса этноконсолидации (что могло бы быть правомерным для локальных групп, расселенных в основном этническом ареале). По-видимому, следует интерпретировать отмеченную направленность изменений в этническом сознании представителей этнодисперсной группы как ступень естественной ассимиляции с русским окружением. Известно, что самоназвание в ходе этого процесса оказывается устойчивее других элементов этнического сознания.

Характерно, что доля лиц (в %), не знающих другой локальной этнической принадлежности, кроме татарской, растет при переходе от групп недавних переселенцев к потомкам мигрантов прежних поколений:

	Годы миграции				
	Неизвестны	1850—1900	1900—1919	1920—1939	1960—1970
	50	43,8	34,8	25,5	22,2

Чем раньше прямые родственники опрошенного приехали в город, тем чаще последний не знает, какова его этническая принадлежность. Значит, утрата представлений о локальной этнографической группе нередко сопровождается забвением первопереселенцев в роду.

Однако, сопоставляя места выхода предков переселенцев и хронологию их миграции с аналогичными характеристиками определенных, известных групп, можно предположительно судить и о принадлежности респондентов с неопределенным этническим сознанием к той или иной этнографической группе (см. табл. 4).

Сходство мест первоначального расселения и близость времени миграции говорят о том, что представители «неопределенных» групп, утратившие «узкое» самосознание, как правило, относятся к мишарям или касимовским татарам.

Вообще, несмотря на то, что «пик» миграционной активности всех групп приходится на 1930-е годы (см. табл. 3), имеются небольшие раз-

Таблица 4

Динамика миграций разных этнографических групп татар в Петербург — Ленинград (в %)

Этнографические группы татар	Годы миграций первопереселенцев семьи						
	неизвестны	не позднее 1850	1850—1900	1900—1919	1920—1939	1940—1959	1960—1975
Казанская	15,3	0,0	18,7	16,7	27,2	45,5	55,6
Касимовская	9,7	28,6	0,0	4,6	3,0	0,0	0,0
Мишари	25,0	42,8	37,5	34,8	32,8	25,8	11,1
Другие группы	0,0	0,0	0,0	9,1	12,0	12,6	11,1
Группа неизвестна	50,0	28,6	43,8	34,8	25,0	16,1	22,2

личия в сроках переселения разных групп. Вероятно, в числе первых были касимовские татары. Ранняя волна миграций касимовских татар, видимо, объясняется тем, что эта группа татар уже с начала XV в. переселилась в пределы южных земель Московского государства и служила опорой для проникновения русского влияния на Казанское ханство²⁹; таким образом, касимовские татары имели самый длительный опыт сотрудничества с русскими. В последующие годы число переселяющихся в Петербург касимовских татар постепенно падает до нуля, очевидно, в связи с этноконсолидационными и ассимиляционными процессами в основном регионе их расселения. В XIX в. значительны также миграции мишарей и представителей «неопределенных» этнографических групп (по-видимому, также мишарей); к началу XX в. к этим группам присоединяется поток казанских переселенцев. К 30-м годам казанские татары среди мигрантов составляют уже более четверти, как и представители неопределенных групп, а мишари — треть; как правило, они в отличие от казанских татар — сельские жители.

В потоке переселенцев 1940—1969 гг. имеет смысл учитывать лишь послевоенную миграцию в Ленинград; среди этих послевоенных переселенцев, отчасти увлекаемых потоками возвращающихся из эвакуации жителей Северо-Западного региона, уже преобладают казанские татары — 45,5%, а мишарей и представителей всех остальных групп (вместе) — по 25% от общего числа новоселов-татар. В последние годы наблюдается сокращение миграции татар в город (общая численность прибывших после 1960 г. составляет около 2% от мигрантов всех лет, тогда как доля приехавших с 1920 по 1939 г. — 57,9%; с 1940 по 1959 г. — 14,3%); очевидно, сокращение переселений обусловлено административными ограничениями роста крупнейших городов, а также промышленно-экономическим и культурным развитием городов самой Татарии. Среди немногочисленных мигрантов последних лет казанских татар уже более половины; третью часть составляют представители групп с неопределенным локальным этническим самосознанием (обычно переселенцы из других крупнейших городов страны).

Доля мишарей падает до 11,1% от приезжающих, что связано также с сокращением прямого потока миграций из села в крупный город и повышением удельного веса «двухступенчатых миграций»: село — малый или средний город — большой город. Миграционный поток казанских татар несколько отстает во времени от потока переселений мишарей и, особенно, касимовских татар. Увеличение доли переселенцев с неопределенным локальным этническим сознанием, несомненно, связано с влиянием процесса урбанизации на этническое сознание жителей коренных татарских районов³⁰.

Сопоставление конкретных населенных пунктов, из которых были ленинградские татары, с этнической самоидентификацией последних, позволяет выдвинуть предположение и о более дробной дифференциации представленных в исследовании этнографических групп (темниковско-лямбирская, сергачская, буинская группы, башкирские тептяри и др.). Однако о наличии представителей этих этнографических подгрупп среди татарского населения Ленинграда можно судить только по списку сел и областей, из которых они приехали; соответствующая дифференциация не находит никакого отражения в этническом самосознании опрошенных.

Современная этнодисперсная татарская группа занимает равноправное положение в этносоциальной структуре городского населения. Об этом свидетельствует квалификационный и образовательный уро-

²⁹ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», с. 11—12.

³⁰ Доля татар-горожан в целом по стране к переписи 1970 г. уже превысила долю сельских жителей.

вень татарского населения, а также его социально-профессиональная структура. Среди ленинградских татар распространены национально-смешанные браки; об успешности социально-культурной адаптации свидетельствуют также процессы в культурно-языковой сфере. Рассмотрение всех этих вопросов (современные этнические процессы в этнодисперсной группе) на основе материалов социологического исследования — задача специальной работы.

Завершая исторический экскурс, хотелось бы коротко остановиться на развитии «социально-экологического» положения членов этнодисперсной группы.

Мы попытались проследить преемственность в этнической топографии — районах расселения татар по территории города.

Черты такой традиционной преемственности отмечают ряд исследователей городского татарского населения (в ТАССР, в Западной Сибири). Так, Н. А. Томилов сообщает, что около 30% татар Томска в начале 1970-х годов по-прежнему жило в районе бывшей Татарской слободы³¹. В. О. Рукавишников отмечает наличие микрорайонов с повышенной долей лиц русской или татарской национальности в Казани и Альметьевске (по материалам исследования 1974 г.)³².

Татары по численности никогда не составляли в столице Российской империи группы с таким удельным весом, который мог бы обеспечить их абсолютное преобладание в рамках каких-то значительных территориально-административных единиц. Как уже отмечалось, по данным дореволюционных переписей мы можем судить только о районах с повышенной плотностью татарского населения (при теоретически более вероятном для города дисперсном расселении).

Современный многомиллионный город с его интенсивным жилым строительством и высокими темпами социальной мобильности создает условия для «перемешивания» всех социальных и национальных групп и не способствует территориальному закреплению какой-либо из них. Действительно, отмеченные старые районы преимущественного проживания татар, как правило, теперь таковыми не являются. И наоборот, северные районы города (Петроградская и Выборгская стороны, Васильевский остров), которые до революции не входили в число предпочитаемых татарами районов, теперь являются местами проживания значительной части этнодисперсной группы. Однако следует упомянуть и об одном исключении из этого правила — устойчивом сохранении на протяжении более чем полувека большой группы татарских семей в северной и средней части Московского района (как на участках дореволюционной застройки, так и в микрорайонах послевоенного строительства 50-х годов). Сохранение одного района с относительно компактной группой татарского населения может объясняться тем, что «Изменения в расселении следуют за изменениями в социальной и этнической структурах с некоторым отставанием во времени; при этом система этнотерриториальной дифференциации более консервативна»³³. Кроме того, наличие стабильного района проживания татар в городе может объясняться желанием мигрантов селиться вблизи земляков, что давало некоторые преимущества, а также стремлением части татарских семей жить вблизи от родственников³⁴, с которыми они поддерживают традиционно тесные связи.

³¹ Н. А. Томилов. Указ. раб., с. 87.

³² В. О. Рукавишников. Этносоциальные аспекты расселения в городах Татарии. — «Сов. этнография», 1978, № 1.

³³ В. О. Рукавишников. Указ. раб., с. 89.

³⁴ Заметная часть татарских семей (более 10%) получила свое нынешнее жилье в результате самостоятельного обмена жилплощади внутри города.

Итак, применение методов социологического исследования к изучению генезиса одной из составляющих многонационального населения крупного города свидетельствует о возможностях их использования для реконструкции недавнего исторического прошлого. Материалы массового социологического опроса могут послужить важным историко-этнографическим источником при изучении явлений, происходящих в этно-территориальных общностях,— в частности осветить обстоятельства отделения представителей этноса от основного этнического ядра и выбора ими миграционного направления, а также определить характер этнических процессов внутри формирующейся этнодисперсной группы городского населения.

ON THE DEVELOPMENT OF THE TATAR COMPONENT OF THE POPULATION OF ST. PETERSBURG-LENINGRAD

The author traces the changes in the numerical strength and the evolution of the ethnic and social structure of one of the population groups of Leningrad, the Tatars, numbering here over 33 thousand. The study is based upon data from an ethno-sociological questionnaire and archive materials. A description is given of typical employments of the metropolitan Tatars in the 19th century; the zones of their concentration are pointed out within the ethnic topography of the city.

In the post-revolutionary period the most massive migration of the Tatars to Leningrad fell on the 30ies and the postwar years. These migratory waves were due to the industrialization of the country; the influx of immigrants from Tatar districts was higher than had been calculated beforehand since its volume was influenced by the inertia of the migratory interconnections, the stability of correspondences already formed. With the growth of the number of generations in the city's families the concept of the local ethnographic group to which the original immigrants belonged weakens gradually and there develops a tendency towards natural assimilation with the Russian environment.

Methods of sociological investigation have permitted the author to reconstruct the genesis of one of the components of the multi-national population of the metropolis.